

А. Карпозилос
 “ Η “ΑΛΩΣΗ ΤΗΣ ΘΕΣΣΑΛΟΝΙΚΗΣ” ΙΟΑΝΝΑ ΚΑΜΙΝΙΑΤΑ:
 РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОДЛИННОСТИ ТЕКСТА

Рассказ солунского священника Иоанна Каминиата, известный под названием¹ “Αλώση τῆς Θεσσαλονίκης”, – это единственное, которым мы располагаем, подробно историческое свидетельство о захвате Фессалоники аварами в 904 г. Текст Каминиата имеет особую ценность, ибо исходит от свидетеля-очевидца, который не только пережил непосредственно драматические события осады, а затем и разрушения города, но и вместе со многими тысячами пленных (22 тыс., по его собственным подсчетам), которых варвары увели с собой вместе с неисчислимой добычей, был переведен в сирийский Тарс, где и описал обстоятельства захвата города и свои невзгоды. Его сочинение не упоминается по названию другими византийскими авторами, но как кажется, писавшие о других, более поздних захватах Фессалоники, например митрополит Евстафий и Иоанн Анагност, имели его в виду. Как бы то ни было, сочинение Каминиата стало известным новейшим исследователям достаточно рано благодаря тому, что первое издание текста было осуществлено Львом Алляцием в 1653 г.¹

С тех пор одно за другим последовало четыре издания, но, как кажется, сам текст не вызывал особых проблем у исследователей. Ученые, занимающиеся историей и топографией Фессалоники, оценили, конечно, топографические данные и различные сведения Каминиата о храмах города, о наименованиях ворот и так далее наряду с информацией о событиях, связанных с осадой². Однако специальные исследования о сочинении Каминиата были написаны лишь в последние годы. Р.А. Наследова первой обратила внимание на информацию, которую этот текст дает нам о торговле, ремеслах и повседневной жизни Фессалоники в начале X в.³ Затем А. Каждан подверг сомнению подлинность сочинения, поставив перед исследователями ряд связанных с этим вопросов и филологических проблем⁴. Воззрениям русского византи-

¹ О тексте и его изданиях см.: *Böhlig G. Iohannis Caminiatae De expugnatione Thessalonicae* (CFHB 4). В.; N.Y., 1973. P. XIX–XXXI. (Далее: *Caminiat.*)

² *Struck A. Eroberung Thessalonikes durch die Sarazenen im Jahre 904 // BZ. 1905. Bd. 14. S. 535–562.*

³ *Наследова Р.А. Ремесло и торговля Фессалоники конца IX – начала X в. по данным Иоанна Каминиаты // ВВ. 1956. Т. 8. С. 61–84. Ср.: Две византийские хроники X века. М., 1959.*

⁴ А. Каждан считает, что поскольку текст содержится в позднейших рукописях XV и XVI вв., а в более ранней рукописной традиции отсутствует, то это ставит под сомнение подлинность сочинения. Его вывод: текст, должно быть, был написан накануне захвата Фессалоники турками или сразу же после 1430 г., т.е. в период, когда некий историк имел все основания обратиться к событиям 904 г. См.: *Kazhdan A. Some questions addressed to scholars, who believe in the authenticity of Kaminiates' "Capture of Thessalonika" // BZ. 1978. Bd. 71. S. 301–314; Christides V. Once again Kaminiates' "Capture of Thessalonika" // BZ. 1981. Bd. 74. S. 7–10.*

ниста противопоставил, отстаивая подлинность текста, различные аргументы Янис Царас, известный своим переводом сочинения Каминиата на новогреческий⁵. Наконец, недавно языку произведения и его датировке посвятил свое исследование Э. Трапп⁶.

В тексте мы различаем четыре раздела: преамбулу (гл. 1–2), описание Фессалоники и ее окрестностей (гл. 3–15), осаду и захват города (гл. 16–41), приключения автора во время осады и его угона вместе с тысячами пленных сначала на Крит, а затем в Сирию (42–79). В преамбуле объявляется, что рассказ написан по настоянию некоего Григория Каппадокийца, с которым Каминиат познакомился в начале своего пленения в сирийском городе Триполи (3, 4–7). Как явствует из текста, Каминиат не сразу откликнулся на предложение Григория, несмотря на то, что тот и после своего отъезда из сирийского Триполи продолжал побуждать его своими письмами к подробному описанию событий, связанных с захватом Фессалоники, а также с перипетиями его плена: *Ἐζήτησας μαθεῖν διὰ ἐπιστολῆς τὸν τρόπον δι' ὃν τὴν φρουρὰν δίκ- οὔμην βαρβάρων χερσὶν ἐκδοθέντες, καὶ πῶς τὴν ἀλλοτρίαν ἀντὶ τῆς ἰδίας δι- μελιώμεθα, ποίας τὲ ἔσμεν πατρίδος, καὶ τίνα τὰ κατ' αὐτὴν*⁷.

Была, однако, высказана точка зрения, что Григорий Каппадокиец – это не историческое лицо, а просто литературное изобретение автора⁸. Во всяком случае в тексте Каппадокиец предстает как некая духовная фигура, гораздо более возвышенная, чем Каминиат (3, 13–20, 28–30). Это сравнение (сравнение автора-патрона/наставника или даже лица, на средства которого создается произведение) является общим местом и, как известно, встречается в преамбулах различных (исторических, агиографических, поэтических и т.д.) сочинений. В данном конкретном случае присутствие Каппадокийца в сирийском Триполи связывается с освобождением его пленных соотечественников и с сопровождением их в Антиохию (4, 40–44). Следовательно, если согласиться с мнением, что Каппадокиец не историческое лицо, а литературное изобретение автора, то тогда придется согласиться и с тем, что произведение писалось не по заказу, как это прямо объявлялось в преамбуле. Но тогда придется исключить из исторического ядра повествования не только преамбулу, но и эпилог, где сообщается о первой встрече и первом знакомстве Каминиата с Каппадокийцем в сирийском Триполи. В таком случае спрашивается, где кончается миф и начинается история?

Присутствие Григория Каппадокийца в Сирии, как было сказано, связывалось с освобождением его пленных соотечественников, возможно, посредством выкупа или обмена, хотя это и не разъясняется в тексте. Каминиат надеялся, как он пишет, освободиться в обмен на какого-нибудь из пленников, о которых давно уже ходили слухи: *τοῦ τυχεῖν τῆς πάλας θρουλλομένης διὰ τῆς σωτηρίου καταλλαγῆς ἀπολυτρώσεως*⁹. По этому сюжету Каминиат не добавляет больше ничего. Но мы задаемся вопросом, не было ли сообщение еще и о письменном побуждении Каппадокийцем Каминиата описать события, связанные с захватом Фессалоники и с его пленением, не просто средством удовлетворения его любознательности, но главным образом способом предать гласности личную драму одного пленника-иерея. Регистрация злоключений Каминиата и, в частности, драма его пленения, как мы полагаем, гаранти-

⁵ Tsaras G. Ἰωάννου Καμενιάτου στὴν ἄλωση τῆς Θεσσαλονίκης (904 μ. χ.) Εἰσαγωγή, Μετάφραση, Σχόλια. Θεσσαλονίκη, 1987. *Idem.* Ἡ ἀδθεντικότητα τοῦ Χρονικοῦ τοῦ Ἰωάννου Καμενιάτη // Βυζαντιακά, 1988. Τ. 8. Σ. 43–58.

⁶ Трапп Е.Н. Ἡ χρονολογία συγγραφῆς τοῦ "Περὶ Ἀλώσεως τῆς Θεσσαλονίκης" ἔργου τοῦ Ἰωάννου Καμενιάτη ἐπὶ τῇ βίσει γλωσσικῶν δεδομένων // Χριστιανικὴ Θεσσαλονίκη: ἀπὸ τῆς Ἰουστινιανείου ἐποχῆς ἕως καὶ τῆς Μακεδονικῆς Δυναστείας. Θεσσαλονίκη, 1991. Σ. 47–52.

⁷ Caminiat. 4, 34–37; ср. также 67, 4–68, 2.

⁸ Tsaras G. Ἰωάννου Καμενιάτη στὴν ἄλωση τῆς Θεσσαλονίκης. Σ. 27–28.

⁹ Caminiat. 67, 94–95.

ровали ему гласность и во всяком случае возможность быть включенным в предстоящий обмен пленниками. Впрочем, чему иному на практике могло бы служить произведение, которое пишется (если верить рассказу) в столь своеобразных условиях, если не выпячиванию его автора?

Но и описание Фессалоники с ее окрестностями было сочтено подозрительным, ибо, во-первых, не содержится ни в одном историческом произведении и, во-вторых, как литературный жанр экфразы о городах встречаются в Византии гораздо позднее. Эти аргументы были выдвинуты Кажданом¹⁰, но я не считаю, что они неопровержимы. Сам Каминиат признает, что наличие описания города в его повести несколько непоследовательно. В дальнейшем он, однако, поясняет, что, включая описание по требованию Григория Кападокийца, который просил сообщить поподробнее о городе: ἄλλ' ἐπειδὴ καὶ τὰ κατ' αὐτὴν ἐκείνην τὴν πόλιν φιλοπόνως μαθεῖν ἐπεζήτησας... ὀλίγα τινά, τῇ διηγήσει προσθεῖς ἐπὶ τὴν καθ' ἡμᾶς αὐτοὺς τραπέσομαι συμφοράν¹¹.

Здесь важно отметить, что и Иоанн Анагност, описывая захват Фессалоники турками в 1430 г., считал рассказ о городе необходимым элементом своего повествования. Но поскольку его сочинение было адресовано к какому-то выходцу из Фессалоники, он решил, что описание города излишне: Εἰ μὲν οὖν τις ἐτύχχανε ὦν τῶν οὐκ εἰδότεων τὴν πόλιν ... ἐδεόμην λόγων ἂν ἐνταῦθα μακρῶν, – пишет он недвусмысленно адресату своего произведения, – ἵνα μὴδὲν τῶν τῆς πόλεως τὴν σὴν διαφύγη γῶσιν¹². Так что, как кажется, в произведениях этого жанра, а именно в сочинениях о захватах городов, их описание было неотъемлемой частью всего повествования¹³. Более того, ссылка Анагноста на предшествовавших ему авторов, писавших о положении, величине и красоте Фессалоники, свидетельствует о существовании соответствующей литературы, следы которой, однако, как кажется, затерялись: πρὸ μακρῶν ἐτῶν τὰ περὶ τῆς πόλεως ἕτεροι φιλοπόνως ἄγαυα δυνάμει λόγου καὶ ῥητορικῆς εὐγλωττίας δεινότητι ἠκριβωμένως ἐξέθεντο¹⁴.

Захваты городов появляются в византийской историографии, насколько нам известно, относительно поздно, с XII в. и позднее, и относятся исключительно к захватам Фессалоники в 1185 и 1430 гг. и столицы в 1204 и 1453 гг., соответственно к захвату ее франками и турками. Особый письменный жанр осад или захватов различных городов не сложился, так как тему эту рассматривали историки в рамках военных операций, которые они описывали. Однако с гораздо более раннего времени Фессалоники занимали первенствующее место в литературе об осадах, ибо случившиеся в разное время осады, с которыми она сталкивалась, уже записывались то в краткой, то в пространной редакции¹⁵. Осады Фессалоники в конце VI и в VII в. в частности со стороны аваро-славянов, не производили, по-видимому, особого впечатления на историков и хронографов. Впрочем, в этот период наблюдается некий застой в духовной жизни – результат политических и социальных беспорядков, которые будоражили византийское государство. Тем не менее набеги аваро-славянов на Фессалонику были описаны наряду с другими имеющими отношение к истории города событиями в двух агиографических сборниках, рассказывающих о чудесах Св.Ди-

¹⁰ Kazhdan A. Op. cit. P. 304–305.

¹¹ Caminiat. 5, 81–86.

¹² Ἰωάννης Ἀναγνώστης. Διήγησις περὶ τῆς τελευταίας ἀλώσεως τῆς Θεσσαλονίκης // CSHB. 486, 7–12.

¹³ Ср.: Eustathios of Thessaloniki. The Capture of Thessaloniki/Transl. by J. R.M.Jones. Canberra, 1988. P. 232–233.

¹⁴ Ἰωάννης Ἀναγνώστης. 486, 17–19

¹⁵ Осада Фессалоники готами в 254 г., о которой сообщает софист Евсевий в своем сочинении "Истории", в подробностях нам неизвестна. Его "Истории" в девяти книгах сохранились лишь в отдельных отрывках в составе труда Константина VII Багрянородного "Περὶ Στρατηγημάτων", см.: Baldwin B. Eusebius and the Siege of Thessalonica//RM. 1981. Vol. 124. P. 291–296. Во всяком случае описание этой осады оказало, как кажется, влияние на литературные круги того времени, так как стало использоваться

митрия¹⁶. Сборники датируются соответственно началом и концом VII в. В них описаны события, счастливый исход которых приписывался чудесному вмешательству покровителя города. Как мы видим, события – веи в истории Солуни были записаны историками (софистом Евсевием и Зосимой), а в дальнейшем, в период “темных веков”, людьми церкви, как то митрополитом Солунским Иоанном, автором первого сборника чудес Св.Димитрия¹⁷.

Какова же связь Иоанна Каминиата с историками поздней античности, о которых мы сообщили, или с чудесами Св.Димитрия? Уже из структуры его сочинения становится ясно, что Каминиат не писал истории в классическом смысле этого понятия. Впрочем, термины “ἱστορία” и “ἱστορεῖν” осознанно, как мы полагаем, отсутствуют в его словаре. Как отсутствует и всякая иная ссылка на жанр истории и ее полезность, В противоположность же преамбулам византийских историков и хронографов, в которых авторы, как правило, излагали свой метод и свои воззрения на историю, Каминиат в его собственной преамбуле даже не пытается усвоить те более или менее известные общие места. И это потому, что темой его был не только захват Фессалоники сам по себе, но и его личные перипетии (πῶς τὴν ἄλλοτρίαν ἀντὶ τῆς ἰδίας διημεψόμεθα, ποίας τε ἐσμὲν πατρίδος, καὶ τίνα τὰ κατ’ αὐτήν), повествуя о которых он подвергался опасности, как он образно выражается, преступить “закон симметрии”¹⁸. Следовательно, нам стоит усматривать в описанном личностном элементе, который пронизывает все его повествование, не какое-то новшество, которое Каминиат якобы ввел в технику изложения исторических событий 904 г., а тот факт, что он пишет хронику своего собственного пленения.

Если даже во время составления труда у Каминиата и был перед глазами какой-то образец, это, конечно, не были ни история, ни хронография. К этому же захват Фессалоники как тема исторического трактата не мог служить оправданием какой-то книги по истории или хронологии. И в том и в другом случае жанр требовал объективного и беспристрастного освещения с более широким, если не вселенским, полем деятельности. Описание захвата свидетелем-очевидцем не может считаться “историей”, так как не обладает гарантией объективности, заметил позднее Евстафий Солунский: ὁ δὲ δикτῶρ, ὁ φασι σπειραθεὶς καὶ καθ’ ἡμᾶς ἐνειληθεὶς τῷ πράγματι ἴσως μὲν οὐκ ἂν εὐπορήσοι πρὸς ἀξίαν ὀνομάσαι τὸ κακόν, ἐκκρουόμενος ὄπτερ ἐθέλει νοεῖν τῷ ποικίλῳ καὶ ἐπαλλήλῳ τῶν συμφορῶν...¹⁹ Следовательно, образы, которые, возможно, имел перед своими глазами Каминиат, придется отыскивать в другом месте.

К сожалению, мы не видим, чтобы в его труде отражались (с помощью аналогий или ссылок) какие-то его интересы, круг его чтения, вообще его способности к восприятию. В тех немногих случаях, когда он это делает, он отсылает к Библии, в то время как его некоторые другие ссылки имеют вид половиц или общих мест. Его образованность была в основе своей богословской, принимая во внимание, что и сам он

коллегами Евсевия по перу в качестве образца для подражания. Осада 254 г. упоминается также Зосимой (I.29.2), у которого позднее заимствовали событие Георгий Синкелл (750, Bonn) и Иоанн Зонара (XII. 23. Т. II. P. 593, 4–10). Впрочем, и Зосима в другом месте своей “Новой истории” упоминает вторую осаду Фессалоники готами, которая датируется 268 г., т.е. временем императора Клавдия II. На этот раз варвары прибыли в Фессалонику со своим флотом после того, как сначала осадили Кассандрию, древнюю Потидею: Κασσάνδρειαν καὶ θεσσαλονίκην ἐπολιόρκουν μηχανάς δὲ τοῖς τεύχεσι προσαγαγόντες καὶ παρὰ βραχὺ τοῦ ταύτας ἐλεῖν ἐλθόντες (I. 43.1) Возможно, что Зосима заимствовал свои сведения об этих двух осадах из истории Евсевия или изτὰ Ἐκκυδικὰ Дексиппа. Последний стал также использоваться как историк осад. См.: Baldwin B. Op. cit. P. 293–296.

¹⁶ Lemerle P. Les plus anciens recueils de miracles de Saint Démétrius. P., 1979. T. 1. P. 120–159.

¹⁷ Ibid. T. 2. P. 32–40.

¹⁸ Caminiat. 4, 35–37 et 49.

¹⁹ Eustrazio di Tessalonica. La Espugnazione di Tessalonica/ Ed.St.Lyriakidia. Palermo, 1961. 4, 26–9. Cp.: 106, 7–12.

принадлежал к духовному сословию, как и другие члены его непосредственного семейного окружения. Так что его интерес к храмам и монастырям города понятен. Он не выказывает полного безразличия к состоянию образованности, наук и ремесел в Фессалонике; к этому же его наблюдения о торговле и ремеслах оказались весьма меткими и ценными с информационной точки зрения. Более пространно и с явным волнением пишет он о святых местах, о созвучии музыки и псалмов, будучи сам членом “корпорации чтецов” (12, 7–13, 37). Его воззрения ни в чем не отличаются от воззрений его современников. Причины сдачи города в руки сарацинов он сводит (как, впрочем, и ожидается) к изменению нравов жителей. Изменению, которое вызывало, между прочим, и присутствие в городе большого количества иноземцев, в частности беглецов с опустошенных пиратами островов. Ποῖον γὰρ εἶδος κακίας, εἰ δεῖ ταληθῆς εἰπεῖν ἐν ἡμῖν οὐκ ἐπράττετο; πορνείαι, μοιχεῖαι, ἀκαθαρσίαι, μίσθ, ψεύδη, κλοπαί, ἔριδες, φιλονεικίαι, λοιδορίαι, θυμοί, πλεονεξίαι, ἀδικίαι...²⁰

Падение нравов в городе дополнили постоянные раздоры и конфликты группировок. Заслуживает внимания, что почти та же картина в общих чертах рисуется и в чудесах Св.Димитрия, в истории “О госпоже Евтаксии”.²¹ Ἦν τε βλέπειν ἑλεεινῶς τῆνικαὶ τὰ τῆς ὁμοφροσύνης μητρόπολιν θάλασσαν διχονοίας γεγενημένη²¹. Мы не считаем, что в этом пункте существует прямая зависимость Каминиата от рассказа о чудесах, хотя некоторые его места можно легко сопоставить с текстом чудес, особенно когда сравниваем отрывки, относящиеся к осаде города. Во всяком случае сам он знал сборник чудес Св.Димитрия, так как, рассказывая об освобождении святым города в прошлом, он отсылает своих читателей ταῖς τῶν θαυμάτων αὐτοῦ βίβλοις²².

В той форме, в которой текст дошел до нас, он не содержит изъянов в отношении языка, структуры или техники повествования; изъяны, которые имели бы свое оправдание в том, что текст писался в период, когда автор находился в плену. Наблюдается обратное: его повествовательная полнота и прилежное письмо впечатляют до такой степени, что мы начинаем сомневаться, не представляет ли текст в конечном счете некую позднейшую переработку, произведенную или самим автором, или кем-то другим.

Некоторые детали текста, предполагающие наличие специальных знаний или обращение к пособиям и книгам, толкают нас в этом направлении. Вот, например, описание осады Фессалоники в той части, которая касается военной техники, использования осадных орудий и способов обороны, сомнительно, чтобы оно целиком опиралось на личные наблюдения автора, да к тому же очевидца. Каждый полагает, что технические подробности, которыми как будто владел Каминиат, несовместимы с уровнем знаний и военной технологии его эпохи²³. Более внимательный взгляд на тексты различных тактик, а также на описания осад (причем не только Фессалоники) достаточен для того, чтобы мы смогли убедиться, что описания осад, начиная с Дексиппа и кончая историками падения Константинополя, были более или менее стандартными. Поэтому познания Каминиата не должны нас удивлять, ибо заимствованы из более древних источников. Вместе с тем мы, конечно, не думаем, что весь театр осады, которую он описывает, представляет собою перенос из какого-то другого источника. Тем не менее, если уж нужно сослаться на какой-то характерный пример, фраза “ἡ χειροποίητος τοῦ Λίδου βροντή”, которая содержится в его тексте²⁴ и которую Каждан ошибочно интерпретировал как пушечный гром²⁵, встре-

²⁰ *Caminiat.* 14, 67–69.

²¹ *Lemerle P.* Les plus anciens recueils. T. 1. P. 113, 20–21.

²² *Caminiat.* 10, 55.

²³ *Kazhdan A.* Op. cit. P. 303–306.

²⁴ *Caminiat.* 27, 57–58.

²⁵ *Kazhdan A.* Op. cit. P. 304.

чается в чудесах Св.Димитрия, древнейшие рукописи которых датируются IX и X веками²⁶. Фразу “ἡ χειροποίητος τοῦ λίθου βροντή” приводит в своей истории и Иоанн Анагност²⁷. Ясно, стало быть, что как Каминиат, так и Анагност подогнали свое описание под аналогичные описания, которые до нас доносят чудеса Св.Димитрия.

Приведем еще один характерный пример метода, которого придерживался автор или переработчик. В своем рассказе Каминиат неоднократно ссылается на Экволон (“Ἐκβολων”), известную по источникам местность как пункт выгрузки с судов в юго-восточной части входа в Солунский залив. Упомянув в первый раз эту местность, Каминиат в то же время дает объяснение названия, и примечательно, что точно такое же толкование Экволону дает и Фома Магистр (ок. 1275–1346) в одном своем автобиографическом тексте:

“Ὁ δὲ δὴ κόλπος ἐκ τῆς μεγάλης θαλάσσης ἀποτμηθεὶς διὰ τινος ἀγκῶνος δίκην προβεβλημένου καὶ ἐπὶ μήκιστον τοῖς ὕδασι δεικνυμένου, ὃν οἱ κατὰ χώρας Ἐκβολων ὀνομάζουσι διὰ τὸ πόρρω που τοῖς ὕδασιν ἐκβεβλήσθαι.

Ἐκβολων οἶμαι ταύτην [τὴν κόμην] φασὶ διὰ τὸ μέτριον πόρρω που δίκην ἀγκῶνος ἐκβεβλήσθαι τὸ ὕδωρ²⁸.

(*Caminiat.* 6. 7-10).

Мы, конечно, не исключаем полностью возможности того, что Фома Магистр знал и в этом пункте переписал Каминиата. Однако мы считаем более вероятным, что оба автора по Экволону консультировались в каком-то географическом каталоге названий городов и местностей.

Специальные познания, которыми как будто владел Каминиат в отношении страитиотских фем или Экволона, а также некоторые другие подробности в тексте (такие, как, например, “экфрасис” города) предполагают использование вспомогательных средств, которые он наверняка не мог иметь в своем распоряжении во время своего плена, когда он, по его утверждению, писал труд по настоянию и побуждению Григория Каппадокийца. Полагаем, что в своем первоначальном виде текст действительно писался в Сирии, но что после своего освобождения он сам (или кто-то другой позднее) переработал его с целью более логичного изложения. Все указания подводят именно к этому выводу, если только мы не станем подвергать сомнению истинность утверждений Каминиата о тех условиях, в которых он писал о падении своей отчины.

Как мы уже сообщали в начале нашего исследования, рассматриваемое сочинение не упоминается по названию другими историками, современными или позднейшими по отношению к Каминиату. Мы предполагаем, однако, что его, должно быть, знали по крайней мере те авторы, которые имели дело с историей Фессалоники. Достоинно внимания, что единичные прямые ссылки на труд, которые мы локализовали, происходят от автора, не являющегося историком, – от Никифора Хумна. Своей речью “Συμβουλευτικὸν τοῖς Θεσσαλονικεῦσι” Хумн предпослал “Εὐκόμιον τῆς πόλεως”, в котором, как оказывается, он в общих чертах следовал схеме описания города, раз-

²⁶ Lemerle P. Les plus anciens recueils. T. 1. P. 154, 27: κατεμικροῦτο τῇ θέᾳ τῆς πετροβόλου χαλάξης ἐκείνης καὶ τῷ ἀστεκτῶ βοίῳ τῆς χειροποιήτου βροντῆς.

²⁷ Анагνώστης, 496. 1–2: Παίειν μὲν αὐτὸ [τὸ τεῖχος] προστάξας τῇ χειροποιήτῳ τοῦ λίθου βροντῆς.

²⁸ Treu M. Die Gesandtschaftreise des Rhetors Theodulos Magistros // Jahrbuch für Classische Philologie. 1900. Bd.27. (Suppl.). S. 17, 28–30.

работанной Каминиатом. Издатель текста Буассонад отметил в своих примечаниях параллельные места обоих текстов²⁹:

καὶ γὰρ οἷον φιλονεικοῦσιν αἱ λίμναι
ταῖς τούτων ἐπιδόσεσι πρὸς τὴν θάλασ-
σαν, καὶ ἀμιλλῶνται τίς αὐτῶν τὸ πλεῖον
παράσχηται.

καὶ ἀμιλλῶνται λίμναι πρὸς ποταμοῦς
καὶ ποταμοὶ πρὸς λίμνας, ὁπότεροι
μᾶλλον πλείω καὶ κρείττω δωρο-
φορήσουσι τῇ πόλει.

(*Caminiat.* 7, 53–54).

(Νικηφόρος Χοῦμνος, 140).

Остается еще прокомментировать общий характер произведения. Каминиат неоднократно подчеркивает этико-дидактический характер своего рассказа (13, 45–50; 15, 15–30) – элемент, наличествующий прежде всего в религиозной письменности, но также и в истории и хронографии. “Алосис” Каминиата в целом не относится к такому жанру письменности, как история, но еще менее – к хронографии. Тема – захват города и пленение автора – сама по себе не имеет прецедента в византийской письменности. Ближайший пример, который приходит в голову, – это *chronicon minus* Георгия Сфрандзи. Единственно, что в противоположность этому произведению автобиографический элемент в рассказе Каминиата занимает место “романного вымысла”. Герой с какого-то момента и далее оказывается отрезанным от его родины, где разыгрались исторические события. Плененный пиратами, он живет уже в некоем чужом по языку и нравам мире, как это в точности и происходит с героями романов поздней античности. Единственно, что в данном случае читатели Каминиата пребывают до конца рассказа в неизвестности, что же в конце концов случилось с пленным автором.

Перевод с греческого
И.П. Медведева

²⁹Νικηφόρου Χοῦμνου Θεσσαλονικεῦσι Συμβουλευτικός // Boissonad J. Fr. *Anecdota Graeca*, P. 1830. T. 2. P.140–142, 145–146. Сочинение датируется ок. 1310 г. Ср.: *Patrianaphyllou-Theodoridis N. Ἡ χειρόγραφος παράδοση τοῦ ἔργου τοῦ Νικηφόρου Χοῦμνου (1250/55–1327)*. Θεσσαλονίκη, 1984. Σ. 25.